

включительно. Даже паримийные чтения выбраны им не случайно: это как раз те три паремии, которые в том же порядке читаются в службе преподобному. Самое обилие эпитетов, которыми он наделяет кабака и пьяницу, подробное описание подвигов последнего — все это соответствует церковному прославлению святого, его родины и места его подвигов.

Параллель пьяница — мученик завершается житием, мастерски пародирующим форму жития. Трудями ряда ученых (Ключевский, Безобразов, Лопарев, Шестаков и др.) давно уже установлен тот шаблон, по которому обычно составлялось житие святого: его происхождение от благочестивых родителей, ранние подвиги, послушание, раздача бедным имущества, мученические подвиги в бедности — вот канва, которую можно найти в массе житий. Эту канву, несомненно, улавливали и внимательные читатели, привыкшие к определенному порядку изложения подвигов преподобных и к мотивировке этих подвигов. Следуя этому шаблону, и наш автор после традиционной начальной фразы проложных житий — «Сии убо родишася...» говорит о родителях пьяницы, о раннем непослушании его, о том, что пьяницы «разтрочиша имение не бога ради», об их мучениях в кабаке и злой смерти. Сообразно с общим тоном изложения, житие пьяницы насыщено славянизмами в языке, риторическими оборотами, которые показывают, что у автора, начавшего с подражания кратким проложным житиям, в памяти вставали и жития пространные, с похвалами святым, с теми украшениями, которыми так богата московская агиография XV — XVI вв. Мы не можем, конечно, указать точно, каким именно из этих житий автор подражает: он, как отмечено, повторяет лишь их общую манеру, отстоявшийся шаблон.

Этим житием, резюмирующим отдельные черты быта пьяницы, разбросанные в песнопениях, заканчивается та основная часть, которая и носила название «службы кабаку». Вся она, как мы видели, выдержана в одном стиле пародии; с начала до конца она обнаруживает у автора отчетливое знание церковного оригинала. Но, вчитываясь в ее язык, мы видим, что в нем соединяются и при том неравномерно, две стихии.

С одной стороны, книжная, славянская, идущая от оригинала, который пародируется, подсказывает автору всю терминологию — стихи, стихирь, гласы, запевы, прокимен, паремьи, лития, тропарь, псалом, канон и др.; она диктует морфологические славянизмы в виде остатков аориста — погыбе, утвердися, лишихся, сложных форм прошедшего времени — очистился еси, купил еси и проч.; звательных падежей типа — кабаке непотребне, учителю, истощителю; местных падежей со старым смягчением — в тузе, человеце,